

хронная дисциплина” (И. Краус), “К этимологии нем. *Graf*” (Б. Выкипел), “Рус. диал. *vándьш* – значение и этимология” (В. Тенхаген), “Проблемы этимологизации арготической и сленговой лексики” (Б. Скалка) и ряд других.

В целом, сборник дает неплохое представление о состоянии и тенденциях развития славянской этимологии. Не вызывает сомнений его высокий в целом научный уровень. Присоединяясь к поздравлениям в адрес Э. Гавловой, хочется надеяться, что удачно начатое издание станет регулярным, а круг его участников (и стран-участниц) расширится.

Примечания

- ¹ *Эккерт Р.* Именные средства выражения в славянских и балтийских языках (Nomina agentis вместо verbum finitum) // Этимология 1997–1999: К 70-летию О.Н. Трубачева. М., 2000.
- ² *Анттила Р.* Недостающие звенья в лексических цепочках: ПереГОНка балто-славянских слов в прибалтийско-финский и их сКОЛки//Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997, 109–127. Ср.: *Хелимский Е.А.* Uralo-Indogermanica: балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Там же, 234–237.
- ³ *Варбот Ж.Ж., Куркина Л.В.* Хроникальные заметки // ВЯ 2000, № 2. 158.
- ⁴ *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1988, 211, s.v. *lajthi*; *Дыбо А.В.* О названиях орешника в индоевропейских языках Европы // Общеславянский лингвистический атлас: исследования и материалы 1985–1987. М., 1989, 110–111.
- ⁵ *Непокупный А.П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.
- ⁶ *Smoczyński W.* Litewskie wyrazy typu *iñdas, āpstas* oraz typu *samidās* / Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000, 170–171.
- ⁷ *Будде Е.Ф.* Рец. на кн.: Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921 // *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968, 620.
- ⁸ *Schröpfer J.* Vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels. Onomasiologie. Bd. I. Lief. 1–8. Heidelberg. 1979–1989.
- ⁹ Ср.: *Дукова У.* Праслав. *čьrtъ ‘черт, злой дух’ / герм. **skrat-* ‘лесной дух, черт’ // Этимология 1982. М., 1985.

А.Е. Аникин

Т.Б. Лукинова. Числівники в слов’янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ, 2000

Книга Т.Б. Лукиновой в настоящее время является самым полным и самым основательным сравнительно-историческим исследованием категории числительных в славянских языках.

Книга состоит из Предисловия и следующих глав: 1. Число и культура (подробное культурологическое введение в исследование); 2. Числительные образования адъективного характера, где рассматриваются: 1) порядковые числительные *pyrvъ – *desęť; 2) количественные числительные

*(j)edinъ, *dъva, *oba, *trъje, *četyre; 3) собирательно-разделительные числительные с формантами *-oj-*, *-or-/er-* (дается исчерпывающий материал по всем славянским языкам, их диалектам и древним памятникам); 3. Числительные образования субстантивного характера, где рассматриваются 1) количественные числительные *pęть – *desęть, *sъto, *tysęti и др.; 2) числительные образования для обозначения дробных величин (с формантом *-ina* и др.); 4. Числительные, происходящие из словосложений; 5. Выводы и заключения. В последнем разделе Т.В. Лукинова представляет свою реконструкцию праславянской системы числительных, которая была подробно и очень тщательно получена в предшествующих разделах. Не входим в разбор этих разделов, их результаты не вызывают возражений и добротность исследования представляется несомненной.

Основные результаты систематизации, проведенной Т.Б. Лукиновой, кратко могут быть изложены следующим образом. Из праиндоевропейского языка были унаследованы следующие части праславянской системы числительных: 1. числительные образования адъективного характера: *pъrvъ, *vъtorъ, *tretъjъ, *četvъrtъ, *pęть, *šestъ, *sedmъ, *osmъ, *devęть, *desęть; эти слова образуют основу системы порядковых числительных в современных славянских языках; 2. числительные образования адъективного характера: *dъva m., *dъvę f.; *oba m., *obę f.; *trъje m., *tri f.; *četyre m., *četyri f.; числительное *(j)edinъ, входящее в этот ряд, является славянской инновацией; числительные *(j)edinъ – *četyre образуют первый фрагмент десяти количественных числительных; 3. числительные образования адъективного характера: *dъvoъjъ (-a, -e), *oboъjъ (-a, -e), *troъjъ (-a, -e), *četvopъrъ (-a, -o), – которые образуют первый фрагмент девяти дистрибутивных числительных. В праславянский период возникли следующие формы числительных: 1. от порядковых числительных (прилагательных) были образованы числительные-существительные на -ъ: *pęть, *šestъ, *sedmъ, *osmъ, *devęть, – вместе с группой 2 унаследованных форм они образовали в праславянском первый десяток количественных числительных (для праслав. *desęть допускается индоевропейский возраст); 2. от порядковых числительных (прилагательных) были образованы адъективные числительные с суф. *-er-/or-*: *pęterъ (-a, -o)/*pętorъ (-a, -o), *šesterъ (-a, -o)/*šestorъ (-a, -o), *sedmerъ (-a, -o)/*sedmorъ (-a, -o), *osmerъ (-a, -o)/*osmorъ (-a, -o), *devęterъ (-a, -o)/*devętorъ (-a, -o), *desęterъ (-a, -o)/*desętorъ (-a, -o), – вместе с группой 3 унаследованных форм они образовали в праславянском первый десяток дистрибутивных числительных; 3. от порядковых числительных (прилагательных) были образованы субстантивные числительные на *-ina*: *tretina, *četvъrtina, *pętina, *šestina, *sedmina, *osmina, *devętina, *desętina, – ряд, составивший названия дробных величин. Автор оставляет открытым вопрос о наличии и функционировании в раннем праславянском унаследованных из праиндоевропейского бессуффиксных числительных *pęk- – *devę-. Думаю, что более категоричная позиция автора по отношению к проблеме балто-славянского единства (балто-славянского праязыка) способствовала бы более определенному ответу на этот вопрос. Следует отметить, что результаты работы Т.Б. Лукиновой объективно увеличивают материал в пользу балто-славянского праязыка.

Из пробелов исследования Т.Б. Лукиновой нужно отметить прежде всего полное отсутствие акцентологической проблематики, связанной с кате-

горией числительного. К сожалению, этот недостаток остается традиционным для сравнительно-исторических работ по славянским числительным, несмотря на ряд блестящих открытий, сделанных Л.Л. Висильевым в свое время в этой области (см. *Васильев Л.Л.* Заметка об акцентровке несклоняемого причастия на *-ль*. // ЖМНП. 1905, август), и ряд проблем, которые еще предстоит разрешить. Обнаружение Л.Л. Васильевым первичного акцентологического различия между числительным *šědmь, *ǫsmь (а.п. *b*) и *pěťь, *šěstь (а.п. *c*), подтверждаемого различием в их отражении в сложных числительных по закону Васильева (сейчас входит в закон Васильева–Долобоко): *сѣмьдесят*, *восьмьдесят*, но *пятьдесят*, *шестьдесят*, – выдвигает тяжелую проблему соотношения этих акцентологических реалий с соответствующими акцентными типами порядковых числительных, от которых эти количественные числительные, по-видимому, произведены, и соотношения их с соответствующими образованиями других индоевропейских языков. При явном различии двух акцентных типов количественных числительных на **-тъ* (а.п. *b*) и на **-ть* (а.п. *c*): ср., кроме приведенных выше, словен. *šédam*, *ǫsám*, но *pět*, *šěst*, *devět*, *desět*, – соответствующие им порядковых числительные показывают в праславянском сплошную акцентную парадигму *b*: 1. слав. *sědmъjь: рус. диал. *сѣмый*, укр. *сѣомий*, болг. *сѣдми*, с.-хорв. *сѣдмѣ*, диал. посав. *sědmī* (Ivš. 396); словен. *sědmi*, польск. *siódmy* (вторично по нечленным формам рус. литер. *сѣдмѣ*), 2. слав. *ǫsmъjь: укр. *восьмий*, с.-хорв. *ǫсмѣ*, диал. посав. *ǫsmī* (Ivš. 396); словен. *ǫsmi*, польск. *ósmy* (вторично по нечленным формам рус. литер. *восьмѣ*), 3. слав. *pěťъjь: рус. *пятьмѣ*, укр. *п'ятмий*, болг. *пѣти*, с.-хорв. *пѣтѣ*, диал. посав. *pětī* (Ivš. 396); словен. *pětī*, чеш. *pátý*, словац. *piaty*, польск. *piąty*, 4. слав. *šěstъjь: укр. *шѣстмий*, болг. *шѣсти*, с.-хорв. *шѣстѣ*, диал. посав. *šěstī* (Ivš. 396); словен. *šěsti*, польск. *szósty* (вторично по нечленным формам рус. литер. *шѣстѣ*)¹, 5. слав. *devětъjь: рус. *дев'ятмѣ*, укр. *дев'ятмий*, болг. *девѣти*, с.-хорв. *děvētѣ*, диал. посав. *devětī* (Ivš. 396); словен. *devéti*, чеш. *devátý*, словац. *deviaty*, польск. *dziewiąty*, 6. слав. *dešěťъjь: рус. *десятьмѣ*, укр. *десятьмий*, болг. *decēti*, с.-хорв. *děcētѣ*, диал. посав. *desětī* (Ivš. 396); словен. *deséti*, чеш. *desátý*, словац. *desiaty*, польск. *dziesiąty*; ср. также слав. *četyrьtъjь: рус. *четвѣртьмѣ*, укр. *чѣтвѣртмий*; с.-хорв. *čětvōrtѣ*, диал. посав. *čēt(v)řfī* (Ivš. 396); словен. *četrīti*, польск. диал. (малопольск.) *czfarty* (Kucała 224). Можно предполагать, что соответствующие порядковые числительные в литовском также первоначально относились к неподвижному акцентному типу, правда в настоящее время все они показывают 4. а.п., но обнаруживаемое в литовском соотношение: лит. *deviñtas*, *dešimtas*, *ketviñtas* при *devyni*²,

¹ Характерно, однако, что эта акцентуационная перестройка в русском охватила все порядковые числительные с краткосложным корнем (кроме *сѣомий*); по-видимому, для надежного объяснения этого явления необходимо достаточно полное и тщательное обследование русских диалектов в данном отношении.

² Лит. асс. т. *devynis*, ном. f. *devynios*, асс. f. *devynias* обнаруживают сдвигу ударения с первого слога на акутированный слог по закону де Соссюра; судя по латышским соответствиям, введение в данные формы долготы и, соответственно, акута – явление вторичное.

dešimtīs, dēšimt, pl. (dvi) dēšimtys, keturì, acc. kēturis, f. nom. kēturios, acc. kēturias, loc. keturiosè – показывает, что это состояние не первоначально и следует исходить из неподвижной акцентной парадигмы с акцентом на последнем слоге основы перед окончанием (т.е. 2. а.п.). Для числительных *deviīntas, dešimtās, ketviīntas* это очевидно: первично подвижный акцентный тип должен иметь начальное ударение в “баритонированных” формах, – первичная акцентовка числительных *sēkmas, āšmas, peīktas, šēštas* не столь очевидна, но нет оснований считать ее иной, чем у первых трех и отличной от славянской. Это соотношение акцентных типов количественных числительных с акцентовкой порядковых числительных было едва ли не самым сильным препятствием для установления прямого деривационного отношения между ними: количественные числительные – производные от порядковых числительных. Действительно, в производных количественных числительных обнаруживается немотивированное морфонологическое различие, отсутствующее в производящих порядковых числительных, это нарушение закономерности словообразования, при котором такие различия снимаются именно у производных. По-видимому, в настоящее время это препятствие может быть снято тонологической гипотезой балто-славянской метатонии: поскольку порядковые числительные имеют неподвижный акцентный тип с акцентом на последнем слоге основы перед окончанием, эта акцентовка может быть объяснена ассимиляторным тонологическим процессом в последнем слоге основы перед доминантным суффиксом: $*dēsē-tō- > *dēsē-tō-$

$*dēsē-tō- > *dēsē-tō-$, при словообразовании доминантный суффикс $-tō-$

заменяется рецессивным суффиксом $-ti-$, при этом старые тонологические характеристики как бы “восстанавливаются” (точнее, восстанавливают свою актуальность). Для числительных ‘пять’, ‘девять’, ‘десять’ и ‘семь’, ‘восемь’ индоевропейский характер этого просодического распределения подтверждается греко-арийским сравнением, ср.: I. др.-инд. *pāñca*; греч. *πέντε*; др.-инд. *nāva*; греч. *ἑννέα*; др.-инд. *dāśa*; греч. *δέκα*; но II. др.-инд. *saptā*; греч. *ἑπτά*; др.-инд. *aṣṭā*; греч. *ὀκτώ*. Этот факт был отмечен еще Хр. Стангом, который дал ему подобную же акцентологическую интерпретацию (см. Stang, 183).

Одно замечание по этимологии слав. **polъ*. Т.Б. Лукинова следует за В. Махеком, который считает слав. **polъ* заимствованием из финно-угорских языков. Действительно, индоевропейская этимология слав. **polъ* крайне слабая: имеется лишь одно надежное соответствие, албанское: и.-е. **pol(u)-* ‘сторона, половина’ || ст.-слав. *полъ* ‘сторона, берег, пол, половина’ и т.д. || алб. *palë* ‘сторона’ || (Ср. Pokorny 986; Orel AED 309). В индоевропейском корень, по-видимому, вторичным образом ассоциировался с корнем $*(s)pel-$ ‘расщеплять’. Предлагаемые сближения с хетт. *palhi-* ‘wide’ и лат. *palam* ‘открыто, явно’ требуют объединения со слав. **polъ* ‘полюй’, что сомнительно.

Однако предположение о заимствовании слав. **polъ* из финно-угорских языков наталкивается на следующее обстоятельство. В уральском мы наблюдаем два несводимых друг к другу корня:

1. зап.-финно-угор. **pōla* ‘сторона, половина’ > фин. *puoli, puole-* ‘половина, сторона’, карел. (олонецк.) *puoli* ‘половина, сторона’, вепс. *pol'*, вод.

pōli, эст. *pool*, ген. *poole-*; морд. эрз. и мокш. *pola* 'супруг, супруга' (См. Itkonen FUF 29.309, Ravila FUF 20.115, SKES 646–647). Вопреки Э. Итконену (Itkonen FUF 29.309, SKES 646–647) нет необходимости предполагать развитие морд. *pola* непременно из **pula*, ибо морд. *o* есть нормальный рефлекс **ō* в *a*-основах (см. Иллич-Свитыч I, с. XXIV–XXV) и, соответственно, в возможных *u*-основах (о существовавших, возможно, в раннем зап.-финно-угорском *ulo*-основах см. Иллич-Свитыч I, с. X–XI), тогда как прибалтийско-фин. **-e* в этой основе, вероятно, вторично. Ограниченность распространения этого корня и невозможность вывести его из второго общеевропейского корня заставляет видеть в нем самом заимствование из какого-то индоевропейского языка (раннего индо-иранского, балто-славянского?). В индоиранском и.-е. **polu-* могло дать **pālu-*, где *-ā-* по закону Бругманна. При заимствовании в зап.-финно-угорский *-ā-* отражалось как *-ō-*. Конечный гласный основы замещался одним из двух возможных в прибалтийско-финском гласных этой позиции, при долготных основах таковым обычно было *-e-*. Обратное направление заимствования помимо этого наталкивается на количественные различия (первичная долгота в зап.-финно-угорском, что должно было отразиться в славянском как **-ā-*).

2. урал. **pētā* 'сторона, половина' || фин. *suu-pieli* 'угол рта', *pieltä* 'стоять косо, клониться в сторону' || саам. **pæle* > саам. сев. *bæle*, *bæle* 'сторона, половина', *bæl'de* 'на стороне (чего-л.)' || морд. эрз. *pel* 'сторона', *pel'e* 'у', *pel'e* 'половина', мокш. *pāl* 'сторона', *pāl'ä* 'у', *pāl'e* 'половина' || мар. (горн., лугов.) *pel* 'половина, пол-', (лугов.) *pele* 'половина', (горн.) *pelä* 'половина' || перм. *pól* > удм. *pal* 'один из пары', коми-зыр. *pəl*, коми-язьвин. *pól* 'один из пары' || манс. **pāl/*pöl-* > манс. южн. (Тавда) *pāl* 'сторона, половина', *pält* лос. 'на стороне', *pelt* 'у', вост. (Конда) *poäl*, зап. (ниж. Лозьва) *pāl* 'сторона, половина'; общехант. **petək* 'сторона' > хант. (Вах, Васюган) *petək* 'сторона, половина' (откуда селькуп. Таз *peläk* 'половина, часть, сторона', селькуп. сев. *pälek* и т.д.), хант. (Казым) *petək*, (Обдорск) *pelək* 'половина'; венг. *féllfele-* 'половина, сторона' (См. MSzFUE 1.195, Steinitz Wog. 102) || самод.: ненец. (Leht.) *pēll'e* 'половина, кусок', нган. *fealea* 'половина', энец. (Хантайка) *fede*, (Баиха) *ferie* 'половина'; селькуп. (Таз) *pēll'* 'половинный, сторонний', (Нарым) *pēle* 'половина (halb)', (Ниж. Васюган) *pēle* 'половина (halb)'; камасин. *p'jēl*, *p'il*, (Ашпуровы) *p'ēl* 'половина (halb), сторона'. (См. подробнее о проблемах реконструкции гласных в этой урал. форме Иллич-Свитыч I, с. XX. См. также Halász NyK 23.440, SKES 537–538, Collinder FUV 48, MSzFUE 1.194–196, Steinitz FUV 40, 51, Leht. 38, Erdélyi 181, Donner Anl. Lab. 153–154, Wichmann TschT 80, Paasonen MChr. 107).

Очевидно, что заимствование этого корня явно невозможно из-за отличия вокализма.

Отношения между этим корнем и соответствующим индоевропейским приходится решать на почве ностратической гипотезы именно потому, что невозможно построить строгую схему преобразований на основе гипотезы заимствования.

Книга Т.Б. Лукиновой написана хорошим украинским языком, читается легко и с удовольствием. Логичность изложения, богатство фактов и убедительность аргументов также способны удовлетворить самого взыскательного читателя.

Принятые сокращения

Donner Anl.Lab. – *Donner K.* Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen MSFOu 49, 1920.

Erdelyi – Erdélyi István. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969.

Halász NyK 23 – Halasz J. Az ugor-szamojéd nyelvrokonság kérdése // NyK 23, 1893.

Itkonen FUF 29 – Inkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // FUF 29, 1946.

Ivš. – Stjepan Ivšić. Izabrana djela iz slavenske akcentuacije (Gesammelte Schriften zum slavischen Akzent). München, 1971.

Kucata – Marian Kucata. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Leht. – Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.

MSzFUE – A magyar szókészlet finnugor elemei: Etimológiai szótár. I–II. Budapest, 1967–1971.

Paasonen MChr. – Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar. Helsinki, 1953.

Ravila FUF 20 – Ravila P. Über eine doppelte Vertretung des urfinnischwolgaischen *a der nichtersten Silbe im Mordowischen // FUF 20, 1929.

Stang – Stang Chr.S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

Steinitz FUV – Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Stockholm, 1944.

Steinitz Wog. – Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1950.

Wichmann TschT – Wichmann Y. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss. Helsingfors, 1923.

V.A. Дыбо

V. Blažek. Numerals. Comparative-Etymological Analysis of Numeral Systems and their Implications (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European Languages). Brno 1999, 337 c.

Кажется, из всех частей речи самым большим интересом лингвистов пользуются числительные. Количество работ, приводимых автором в книге, внушительно и почти исчерпывающе. Ввиду того, что автор не славист, можно было бы добавить несколько славистических работ, взятых из библиографического указателя интересной новой книги Лукиной о славянских числительных (Т.Б. Лукина. Числительники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ 2000), которую, конечно, автор еще не мог знать. Таковы, напр., книги А.Е. Супруна (Старославянские числительные. Фрунзе, 1961; Полабские числительные. Фрунзе, 1962; Славянские числительные, Минск 1969), некоторые статьи из сборника "Число Язык. Текст. Сборник статей к 70-летию А.Е. Супруна". Минск, 1998; да-